

Ярцев Рустэм Альбертович

О РАНЖИРОВАНИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ С ПОЗИЦИЙ РАЦИОНАЛЬНОГО СКЕПТИЦИЗМА

В статье обсуждается проблема элиминации неподтвержденных теорий из научного знания как возражение П. Фейерабенда против известных рациональных методологий науки. Для ее решения предлагается осуществлять ранжирование научного знания по познавательной значимости на основе вводимых принципов рационального скептицизма. Ранжирование реализуется с помощью процедуры, предложенной автором в качестве универсального метода и критерия демаркации научного познания, которая соответствует познавательному здравому смыслу человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. II. С. 218-221. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 001.8

Философские науки

В статье обсуждается проблема элиминации неподтвержденных теорий из научного знания как возражение П. Фейерабенда против известных рациональных методологий науки. Для ее решения предлагается осуществлять ранжирование научного знания по познавательной значимости на основе вводимых принципов рационального скептицизма. Ранжирование реализуется с помощью процедуры, предложенной автором в качестве универсального метода и критерия демаркации научного познания, которая соответствует познавательному здравому смыслу человека.

Ключевые слова и фразы: рациональность; скептицизм; анархизм; познание; наука; истина; исследование; метод; дискуссия; ранг; теория.

Рустэм Альбертович Ярцев, к.т.н., доцент

Кафедра автоматизированных систем управления

Уфимский государственный авиационный технический университет

rust-66@yandex.ru

О РАНЖИРОВАНИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ С ПОЗИЦИЙ РАЦИОНАЛЬНОГО СКЕПТИЦИЗМА[©]

Существование универсального метода научного познания, как известно, является предметом дискуссий в области философии науки. Среди наиболее значимых критиков научной рациональности ведущее место занимает П. Фейерабэнд, автор концепции «эпистемологического анархизма» [9], достоинством которой считается то, что она закладывает рациональные основы современного иррационализма [5, с. 13]. По свидетельству А. Л. Никифорова, «идеи Фейерабенда не дождалась серьезного критического анализа, а его книга не получила должной оценки» [Там же], поэтому исследование «эпистемологического анархизма» представляет большой научный интерес.

Одно из главных возражений П. Фейерабенда против рационализма в науке состоит в том, что «существуют ситуации, когда даже самые либеральные оценки и наиболее либеральные правила устранили бы ту идею или концепцию, которую в наши дни мы считаем существенной составной частью науки, и не позволили бы ей одержать победу» [9, с. 155]. С этим согласен И. Лакатос, автор методологии научно-исследовательских программ и главный исторический оппонент П. Фейерабенда: «мы... вполне можем элиминировать истинную теорию или сохранить ложную» [2, с. 294]. «Но, тем не менее», - продолжает И. Лакатос, - мы «обязаны найти способ элиминировать некоторые теории. Если это не получится, рост науки будет не чем иным, как ростом хаоса... С методологической точки зрения, элиминация должна быть окончательной» [Там же, с. 295].

Наиболее известные рациональные методологии Л. Витгенштейна, К. Р. Поппера и самого И. Лакатоса находят такой способ «борьбы с хаосом» в том, что формулируют некоторый критерий истинности («не-ложности», «прогрессивности») положений или теорий и применяют его для демаркации научного знания. Однако на вред такой догматической демаркации для науки как раз и указывает П. Фейерабэнд.

Попытаемся ответить на выдвинутое им возражение, предложив свой способ «примирить» научную рациональность с «фаллибилизмом» [6, с. 11] или, точнее, со скептицизмом в науке. Он состоит в использовании рациональной процедуры, выводимой нами в качестве универсального метода научного познания [11]. Отличие данной процедуры от уже известных заключается в том, что ее критерий истинности применяется не для демаркации, а для внутреннего ранжирования научного знания по познавательной значимости: в результате удастся не только сохранять для науки опровергнутые теории, но и избежать в ней того хаоса, от которого предостерегает И. Лакатос.

Как известно, согласно принципу скептицизма истинность любого положения науки не является абсолютной и всегда может быть поставлена под сомнение. Это норма научного познания, поскольку каждый исследователь не только обязан подвергать сомнению свои результаты и выводы, но также обладает правом сомневаться в достоверности положений, выдвинутых другими. В соответствии с подходом Р. Мертона [3] скептицизм можно считать одним из принципов этики науки, нормирующих поиск истины.

Доказать необходимость скептицизма в науке, думается, несложно. Ведь уже сами принципы научного обоснования не являются абсолютно достоверными: нас могут обманывать и ощущения, и логические рассуждения. Кроме того, еще К. Р. Поппер показал, что попытки получить исчерпывающее подтверждение любых положений неосуществимы из-за «регресса в бесконечность» [7, с. 46]. Правда, он при этом считал опровержение научных теорий окончательным [Там же, с. 385], но уже И. Лакатос, как мы видели, признал, что фальсифицированная теория может оказаться истинной. Возразить здесь нечего хотя бы по той причине, что опровержение одной теории неотделимо от подтверждения другой, ей противоположной, а последнее, как мы уже знаем от К. Р. Поппера, не может быть окончательным.

Таким образом, суждения об истинности положений в науке следует считать не более чем гипотезами, которые со временем могут быть пересмотрены. Иначе говоря, скептицизм как принцип научного познания выражает приоритет сомнения над верой в истинность любого положения. Действие этого принципа распространяется и на эмпирическое, и на теоретическое познание: в первом случае необходимо время от времени перепроверять результаты наблюдений и экспериментов, во втором – пересматривать системы аксиом, проверять логику рассуждений, искать новые способы обоснования.

Скептицизм как познавательная норма интуитивно принимается всеми учеными, но, парадоксальным образом, явных сторонников у него немного, особенно среди специалистов по частным наукам. Объяснение, на наш взгляд, заключается в том, что традиционные представления о скептицизме неправомерно отождествляют его с двумя необязательными выводами.

Согласно первому из них, раз истина недостоверна, то бесполезно ее искать, а также высказываться о ней. Скептицизм этой разновидности можно обнаружить уже у Пиррона [8, с. 202]. Многие философы науки также избегали пользоваться понятием истины, а П. Фейерабенд даже объявил об этом открыто [9, с. 189]. Очевидно, что такой скептицизм противоречит установкам научного познания во все времена: что же тогда делать в науке, как не искать истину? Вторым выводом утверждает иррационализм: поскольку объективная истина недоступна, то мы имеем право поддерживать любые теории. «Допустимо все», пишет П. Фейерабенд [Там же, с. 42], и против такого хаоса в науке ученые еще больше протестуют, требуя обоснования обсуждаемых положений.

Кроме того, традиционные представления о рационализме и скептицизме противоречат друг другу, и, руководствуясь ими, философы науки сталкиваются с необходимостью сочетать в своих концепциях несочетаемое: рационализм, элиминирующий из научного познания возможные истины, и скептицизм, разрушающий науку хаосом. Любая попытка найти компромисс между ними заканчивается неприемлемыми для науки уступками догматизму. Например, «джастификационизм» Л. Витгенштейна [7, с. 130], как и «мягкий» скептицизм Д. Юма [4, с. 60], выводят из сферы сомнения эмпирический опыт и основанные на нем истины науки; сюда же относится, очевидно, сам принцип эмпиризма. Учение К. Р. Поппера сочетает догматический фальсификационизм с «фаллибилизмом» [7, с. 371], методология И. Лакатоса также элиминирует опровергнутые теории [2, с. 294]. Каждая из уступок означает возможность потерять истину, действуя под видом борьбы с хаосом в науке. Поэтому, если мы хотим эффективно примирить скептицизм с рациональностью, то не должны его ограничивать никаким критерием истинности, выводящим те или иные гипотезы за пределы научного знания.

Чтобы привести научную рациональность в соответствие со скептицизмом, необходимо, во-первых, переосмыслить содержание критерия истинности и, во-вторых, отказаться от использования этого критерия для демаркации научного и ненаучного познания. Первое требует признать, что научная истина не является абсолютной (объективной) и понятие истины необходимо в науке, иначе теряется смысл рациональной познавательной программы, направленной на поиск достоверного знания. Следовательно, любое рациональное заключение об истинности того или иного положения должно иметь относительный характер, зависящий от выбора базисных положений, логики вывода, а также корректности ее применения исследователем. Тем самым критерий истинности релятивизируется, так как признается его зависимость от использования конкретным субъектом познания [11, с. 163].

Второе требование вытекает из первого и сохраняет в научном познании опровергнутые, а также спорные теории (гипотезы), оставляя перспективы их дальнейшей разработки. Конечно, критерий истинности также участвует в демаркации, так как невыполнение его требований исключает отнесение обосновываемого положения к истинам науки. Однако если рациональный научный метод применяется без нарушений, то несоблюдение данного критерия опровергает только заключение об истинности положения, но не научный характер получаемого при этом обоснования. Другими словами, в качестве критерия демаркации выступает весь универсальный метод науки, а назначением критерия истинности как его части является участие в ранжировании знания на истинные, ложные и сомнительные положения.

Именно такой критерий истинности предлагает процедура, выводимая нами в качестве универсальной методологии научного познания [11]. Эта процедура стремится в явном виде описать нормы «научного мастерства», по умолчанию применяемые субъектами науки при проведении исследований в любой предметной области, которые требуют рассматривать научное исследование как дискуссию с оппонентами. Процедура состоит из четырех этапов: постановка вопроса (проблемы, задачи, цели исследования); генерация гипотез; их проверка на обоснованность и получение ответа (нового знания); постановка ответа под новые вопросы. Проверка гипотезы на обоснованность осуществляется через поиск аргументов ее подтверждения и опровержения: первые представляют собой логические выводы из базисных положений, принимаемых за истину без обоснования, вторые – противоречия гипотезы как внутри нее самой (нарушения когерентности), так и по отношению к базисным положениям. В соответствии с рационалистским принципом непротиворечивости дискутируемое положение (гипотеза) признается: а) истинным, если среди неопровергнутых в ходе дискуссии аргументов имеются подтверждающие и отсутствуют опровергающие аргументы; б) ложным, если среди указанных аргументов имеются только аргументы опровержения; в) вероятным («явной» гипотезой), если имеются или отсутствуют аргументы обоих видов. Ответ на вопрос формируется через обобщение результатов рассмотрения всех гипотез и, согласно принципу скептицизма, осознается как временный, промежуточный на пути к абсолютному знанию.

Данная процедура отражает компромисс между познавательным и практическим здравым смыслом человеческой природы. Если первый требует «регресса в бесконечность» обоснований с целью избежать заблуждения, то второй пресекает этот регресс для достижения «успеха» на практике. Таким образом, научное познание, имеющее идеалом получение абсолютного знания, вытекает из требований познавательного здравого смысла и может быть полностью реализовано только человечеством как коллективным субъектом, познание которого обладает бесконечной продолжительностью [10].

Нетрудно видеть, что данная процедура реализует оба требования рационального скептицизма, рассмотренные выше. Тем самым принцип «допустимо все» существенно ограничивается сохранением научной рациональности, что позволяет избежать познавательного хаоса: 1) из научного знания элиминируются все результаты, полученные с нарушением введенной процедуры. Такая элиминация, правда, действует только до появления результатов строгого применения процедуры к устраненным положениям; 2) научное знание ранжируется по предполагаемой значимости для достижения конечной цели познания и, как следствие, для практического применения. Так, высший ранг имеют положения, принимаемые за истину, которые, прежде всего, должны выбираться в качестве базисных для проведения дальнейших исследований и служить основой для практики. Меньший приоритет отдается «явным гипотезам»: дальнейшее развитие науки должно быть направлено на поиск их подтверждений и опровержений. Наконец, низший ранг отводится ложным положениям, представляющим научный интерес для фальсификации других положений, а также пересмотра вопроса об истинности при появлении новой аргументации. Разумеется, развитие науки может приводить как к повышению, так и к понижению рангов научного знания.

Ранжирование научных знаний, таким образом, не мешает свободному выбору теорий для разработки, и ученый может следовать здесь своим страстям, «научной моде» и т.п. Однако, согласно сказанному выше, эти «иррациональные элементы» имеют значение для науки только тогда, когда они воплощены в рациональной аргументации для решения вопроса об истинности обсуждаемых положений. Удивительно, но рассуждения П. Фейерабенда, защищающего «анархизм», также приводят к рациональности как обязательному средству научного познания: «Мы нуждаемся в этих “иррациональных средствах” для защиты того, что является лишь слепой верой до тех пор, пока мы не найдем вспомогательных наук, фактов, аргументов, которые превратят эту веру в подлинное “знание”» [9, с. 154].

Ясно, что никакие «иррациональные средства» не гарантируют успеха в научном познании и, пользуясь ими, исследователь рискует потратить силы впустую. А если выводы исследования будут противоречить принятым теориям, то автор может столкнуться и с сопротивлением научного сообщества. Конечно, страсть, с которой сторонники действующей «парадигмы» [1, с. 34] набрасываются на «бунтаря-одиночку», также может получить рациональное оправдание, если сопровождается предъявлением аргументации. Однако и в этом случае ученый испытывает на себе прагматические следствия, которые являются для научного познания негативным внешним фактором.

Здесь мы приходим к еще одной проблеме, связанной с критикой научной рациональности. Догматизм методологических стандартов науки П. Фейерабэнд связывает с консервативной позицией научного сообщества, что также вредит выяснению истины:

«[Научные учреждения] могут отказаться поддержать регрессирующие исследовательские программы, лишиться их денежных средств, высмеять их защитников, отказаться публиковать результаты исследований и вообще стараться причинить им как можно больше неприятностей. Итог легко предсказать: ученые, которые, подобно всем другим людям, также нуждаются в эмоциональной и финансовой поддержке... будут корректировать свои “решения” и подчас отвергать исследовательские программы, клонящиеся к упадку» [9, с. 197].

С точки зрения нашей концепции также нет оправдания тому, что «исследовательские программы погибают не вследствие натиска аргументов, а потому, что их защитники гибнут в борьбе за выживание» [Там же, с. 198]. За сторонниками опровергаемых программ необходимо сохранить право не только на информационную и моральную поддержку, но также финансовую помощь в соответствии с научным рангом получаемых результатов. Со своей стороны, приступая к разработке «революционных» теорий, исследователь должен понимать, что выбирает путь «наибольшего сопротивления». Однако консерватизм научной среды оправдан, если охраняет рациональность в науке и препятствует возведению в ранг истины неподтвержденных результатов. Следовательно, он допускает неоднозначные оценки и, по-видимому, неустрашим как атрибутивный фактор науки.

Итак, когда «консерваторы» от науки опровергают новые теории без предъявления содержательной аргументации, они действуют иррационально. П. Фейерабэнд, однако, считает иначе:

«Консервативная позиция научных учреждений не иррациональна, так как она не вступает в конфликт со стандартами. Она – результат коллективной политики, инспирированной этими стандартами... Взятые в единении с консерватизмом только что описанного толка, они [стандарты] оказывают на ученого неясное, но настойчивое влияние» [Там же, с. 197].

Автор прав лишь отчасти – консервативная позиция по отношению к стандартам методологии будет рациональной только при соблюдении двух условий: 1) «консерваторы» строго выполняют требования стандартов, что, как отмечалось, происходит не всегда; 2) стандарты не являются рефлексивными, т.е. не регламентируют собственную разработку. Последнее условие превращает стандарт в догматический принцип, защищенный от фальсификации. С нашей же точки зрения, это недопустимо, и каждый стандарт методологии

должен считаться научным знанием, попадающим под действие этого же стандарта. А поскольку процедура фальсификации, согласно нормам науки, должна быть обязательным элементом последнего, то может потребоваться рефлексивное изменение методологии и отказ от исправлений (т.е. консервативная позиция) будет противоречить научной рациональности. Таким образом, некорректно отождествлять консерватизм ученых не только с негативной ролью в науке, но также с соблюдением ее методологии и делать отсюда общие выводы о пользе «научного иррационализма».

Как можно видеть, принятие принципов рационального скептицизма и переход к ранжированию научного знания позволяют преодолеть догматизм известных методологий науки и создают рациональную основу для разработки любой концепции. Но ученый не имеет полной свободы действий в науке: при несоблюдении норм, принятых по умолчанию в научном сообществе, результаты исследования отторгаются от научного знания. Например, нельзя считать научную теорию истинной до тех пор, пока не выдвинуты аргументы в ее поддержку и не преодолены все имеющиеся возражения.

Таким образом, исследование утрачивает статус научного ровно в той мере, в какой предписания научной методологии были нарушены, при условии, что последняя верно отражает неписанные традиции научного познания. Если же здесь обнаруживаются противоречия, то устранять их нужно путем изменения методологии, а не отказа от нее.

Список литературы

1. **Кун Т.** Структура научных революций / пер. с англ.; сост. В. Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. 605 с.
2. **Лакатос И.** Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ.; сост. В. Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. С. 294-295.
3. **Мертон Р.** Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 880 с.
4. **Нарский И. С.** Давид Юм и его философия // Юм Д. Соч.: в 2-х т. / под общ. ред., со вступит. статьей и прим. И. С. Нарского. М.: Мысль, 1966. Т. 1. С. 5-64.
5. **Никифоров А. Л.** Предисловие переводчика // Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 5-13.
6. **Пирс Ч.** Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. 448 с.
7. **Поппер К. Р.** Предположения и опровержения: рост научного знания / пер. с англ. М.: АСТ; Ермак, 2004. 638 с.
8. **Реале Дж., Антисери Д.** Западная философия от истоков до наших дней. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994. Т. 1. Античность. 336 с.
9. **Фейерабенд П.** Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 с.
10. **Ярцев Р. А.** Может ли мировоззрение быть научным? // Философская мысль и философия языка в истории и современности: сб. науч. статей. Уфа: Восточный университет, 2008. С. 224-233.
11. **Ярцев Р. А.** О научном и ненаучном познании // Вестник ЯГУ. 2010. № 2. С. 161-166.

ON SCIENTIFIC KNOWLEDGE RANKING FROM RATIONAL SKEPTICISM POSITION

Rustem Al'bertovich Yartsev, Ph. D. in Technical Sciences, Associate Professor
Department of Automated Control Systems
Ufa State Aviation Technical University
rust-66@yandex.ru

The author discusses the problem of unconfirmed theories elimination from scientific knowledge as P. Feyerabend's objection against known rational science methodologies, for its solution suggests scientific knowledge ranking according to cognitive significance and basing on the brought in principles of rational skepticism, and tells that ranking is implemented using the procedure, proposed by the author as a universal method and the criterion of scientific cognition demarcation, which corresponds to human cognitive common sense.

Key words and phrases: rationality; skepticism; anarchism; cognition; science; truth; research; method; discussion; rank; theory.